

Публикация Н. В. Турыгиной

Слухи на службе вермахта: русская эмиграция в Сербии и большевики в 1944–1945 гг.

Турыгина

Наталья Валерьевна

канд. ист. наук,
ст. преп., Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
финансовой
поддержке
Российского научного
фонда, проект
№ 19-78-00085
«Русская эмиграция
между “старой”
и “новой” родиной
в условиях
Второй мировой
войны: проблемы
идентичности
и патриотизма»

Русская белая эмиграция, в межвоенный период жившая надеждами на «весенний поход» против большевизма, с началом Второй мировой войны оказалась в эпицентре информационной кампании Третьего рейха. На оккупированных нацистами и их союзниками территориях русская эмиграция подлежала учету и контролю. Все эмигрантские организации распускались, вместо них учреждались управления по делам русской эмиграции, которые транслировали лояльную Третьему рейху позицию, регистрировали эмигрантов, выдавали им соответствующие удостоверения, способствовали трудоустройству в Германии, решали бытовые вопросы и т. д.

При управлениях были свои печатные органы, которые находились в юрисдикции Министерства народного просвещения и пропаганды Третьего рейха. Анализ содержания передовиц и карикатур этих газет позволяет проследить эволюцию идеологической политики Третьего рейха. После того как инициатива на фронте окончательно переходит к Советскому Союзу и антигитлеровской коалиции в целом и начинаются освободительные операции Красной армии, в национал-социалистической пропаганде акцент смещается на характер сталинского режима, который несет не освобождение, а порабощение Восточной Европе¹. Подобный подход сопровождался использованием любых источников информации, в том числе не всегда проверенных, а порою и сфабрикованных, чтобы сформировать нужное общественное мнение. Именно с этой целью и был составлен выявленный в Федеральном архиве Германии в Лихтерфельде

(*Bundesarchiv in Berlin-Lichterfelde*) документ из фондов Министерства народного просвещения и пропаганды Третьего рейха. Он посвящен положению русских эмигрантов в Сербии накануне и после вступления Красной армии в Белград. Машинописный текст представляет собой копию файла, хранящегося в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете в США, где он отложился в собрании антикоминтерновских документов. Текст был создан предположительно в Берлине в конце 1944 — начале 1945 г., т. е. сразу после освобождения Белграда Красной армией, когда большой поток русских эмигрантов направился из Сербии вместе с отступавшими немецкими частями в Австрию и Германию, и в какой-то степени стал прогнозом будущих репрессий и террора в Югославии, направленных против русской эмиграции.

Судьба русской эмиграции в Сербии в годы Второй мировой войны, ее профашистская деятельность и участие в движении Соппротивления стали предметом исследования многих сербских и российских ученых: А. Ю. Тимофеева, А. Б. Арсеньева, В. И. Косика, А. Танина, М. Йовановича, М. Живанович и др.², которые не обошли вниманием и вопросы ее послевоенной участи. Однако касаясь темы преследования русских эмигрантов после окончания Второй мировой войны в Югославии, указанные авторы пишут прежде всего о периоде с весны 1945–1948 гг. и после 1948 г. и основываются на собраниях сербских и российских архивов, на материалах дел, заведенных на тех или иных русских эмигрантов. Выявленный документ дополняет проведенные исследования, однако он представляет собой интерес не столько с позиции открытия новых фактов, сколько как инструмент формирования общественного мнения в отношении Советского Союза накануне послевоенного мирного урегулирования и раздела сфер влияния между союзниками антигитлеровской коалиции.

Данный документ был составлен на основе устных свидетельств прибывших в Германию из Сербии русских эмигрантов. Присутствует классификация русской эмиграции по ее отношению к Советскому Союзу на «непримиримых», «компромиссных» и «политически нейтральных». Особое внимание уделено характеристике тех, кто решил остаться в Белграде и отказался от эвакуации.

Отдельный раздел посвящен положению русской эмиграции после освобождения Белграда большевиками осенью 1944 г. В данном разделе факты зачастую переплетаются со слухами и домыслами. И если, например, информация о числе жертв коммунистического террора — от 4000 до 7000 человек — вызывала сомнения у самих составителей документа, многие слухи были включены в раздел без должной проверки. Так, сообщая о массовых пытках и казнях русских эмигрантов в подвалах Русского дома и по месту службы, эмигранты указывали в качестве вопиющих примеров имена оперных исполнителей Е. Поповой и П. Ф. Холодкова, художника С. Ф. Колесникова, духовника В. Тарасьева с семьей, якобы повешенных советскими агентами. Однако их послевоенная судьба сложилась иначе, порою не так драматично, как это хотели представить вынужденные переселенцы. Наблюдается тенденция к демонизации происшедшего. Распространяя слухи о советских зверствах, масштабы которых были значительно преувеличены, русская эмиграция стремилась обосновать свой

статус и заручиться международной поддержкой в дальнейшем, избежать возможной высылки в Советский Союз, где по-прежнему царствовал террор. Во многих случаях эти опасения были оправданны, и многие из числа оставшихся действительно подверглись аресту и высылке за сотрудничество с нацистами, прошли через советские спецпоселения и лагеря, а впоследствии были реабилитированы, часто посмертно. Однако послевоенная судьба русской эмиграции в странах Центральной и Восточной Европы, подотчетных СССР, по-прежнему остается одной из малоизученных страниц российской истории, которая требует дальнейших научных изысканий. Далеко не все имена вписаны в книгу памяти жертв политических репрессий. Далеко не все судьбы восстановлены, многое искажено, а поиски осложняются сменами фамилий и нежеланием распространяться об эмигрантском прошлом в советском обществе.

* * *

Публикуемый документ представлен в авторском переводе с немецкого языка. Источник: Die russischen Emigranten in Serbien und die Bolschewisten [Berlin? 194-] // Bundesarchiv-Lichterfelde. R 55. Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda / 24854. Bd. 5. S. 14–27. (Übersetzung aus dem Russischen)

Текст содержит информацию, почерпнутую из писем и рассказов русских эмигрантов, эмигрировавших в Германию из Сербии, и перебежчиков, которым удалось бежать уже после оккупации Белграда большевиками.

Упомянутые в тексте имена сопровождаются краткой биографической справкой, где особое внимание уделено послевоенной судьбе того или иного лица.

Русские эмигранты в Сербии и большевики

К началу этой войны (1939) симпатии к Германии среди эмигрантов в Югославии, особенно в Сербии, резко возросли. В ходе военных действий это отношение укрепилось таким образом, что во время военного похода на Балканы в 1941 г. русские эмигранты были названы сербами пятой колонной немецкой армии.

В начале военного наступления на восток Европы русские эмигранты надеялись на решение большевистской проблемы и собственное возвращение на родину; они добровольно вступили в вооруженные формирования (например, в охранный корпус) для борьбы с большевизмом и против его местных образований. Кроме того, они массово отправлялись в Германию, где находили себе хорошее применение на военной службе, а также на госслужбе и на различных предприятиях.

Так продолжалось с определенными колебаниями до 1944 г.

В результате продвижения Советской армии к пограничным районам Балканского полуострова среди русских эмигрантов, духовным центром которых был город Белград,

сложились два явно противоположных лагеря. Одни отличались непримиримой позицией против большевизма и считали необходимым продолжать борьбу с большевистским правительством, причем без учета изменившегося военного положения. Германия продолжала опираться на этот лагерь. Эти непримиримые считали необходимым покинуть свое место жительства и имущество, приобретенное в течение 25-летнего пребывания в эмиграции, и переехать в Германию. К этой группе русских эмигрантов принадлежали прежде всего бывшие царские офицеры и те круги, которых лично так или иначе коснулась Гражданская война.

Вторая группа, которую можно было бы назвать «компромиссной», состояла в основном из старой, а также из новой русской эмигрантской интеллигенции. Хотя они и были фактически непримиримыми врагами большевизма и активно участвовали в политической жизни эмигрантов и в осуществлении антибольшевистских устремлений, но все-таки начали менять свою антибольшевистскую позицию под впечатлением событий 1941–1942 гг., особенно под впечатлением большевистских военных успехов 1944 г. и «национально-патриотической» агитации. В этих кругах росла вера в «эволюцию большевизма» и желание найти взаимопонимание с большевизмом. Определенную роль в становлении данной позиции сыграли симпатии к Антанте, сохранившиеся в латентном состоянии еще со времен Первой мировой войны. Подобным симпатиям, воспитанным среди эмигрантов, способствовал официальный политический курс югославского правительства, к которому эта группа была привязана духовно и материально по характеру своей занятости.

С приближением большевистских войск к сербским границам среди них укрепилось стремление остаться в стране. Причем необходимо подчеркнуть, что смена настроений прошла не без сильной внутренней борьбы. Хотя их вера в «эволюцию большевизма» была непоколебима, они изо дня в день металась между решениями остаться в стране и дожидаться прихода большевиков или вовремя убраться в Германию. Представители этой группы включались в списки лиц, подлежащих эвакуации, составляемые Управлением по делам русской эмиграции в Сербии. Некоторые были включены сразу в несколько списков, даже в такие, что составлялись для особо уязвимых большевизмом, чтобы иметь возможность поскорее уехать. Но это не помешало им снова изменить свое решение и в назначенный для отъезда день не появиться на месте сбора у Русского дома.

Немецкие власти в Сербии объявили русским эмигрантам о готовности германского правительства эвакуировать каждого, изъявившего желание уехать в Германию под давлением большевистской опасности. Для эвакуации русских эмигрантов из Сербии были определены специальные места сбора, например Русский дом в Белграде. Туда по указанию Управления по делам русской эмиграции направлялись немецкие грузовики, в которых эвакуируемые доставлялись на хорватскую территорию через р. Саву, там их пересаживали в поезда и продолжали перевозить в направлении Германии.

В то время как «непримиримые» точно придерживались предписаний органов эвакуации, «компромиссные лица» не появлялись у Русского дома в назначенное для эвакуации время, поэтому грузовики вынуждены были выезжать не полностью заполненными, а часть из них и вовсе оставались пустыми.

Среди русских эмигрантов в Сербии была особая группа, объединявшая членов Земгора³. Бюро Земгора финансово поддерживалось югославским Министерством иностранных дел и возглавлялось полковником Ф. Э. Махиным⁴, оно всегда находилось в неофициальной связи с ведущими кругами русских эмигрантов и явно враждебно относилось к национал-социалистической Германии. Это бюро, по-видимому, служило вспомогательной организацией для связи югославского правительства с Советским Союзом.

Во время оккупации Белграда немецкими войсками в 1941 г. Земгор был закрыт, полковник Махин исчез. По некоторым слухам, он бежал в горы и там участвовал в антигерманской бандитской деятельности. После вступления большевиков в Белград полковник Махин на короткое время снова появился, после чего окончательно исчез с белградской арены военных действий; говорят, он уехал в Москву. Группа Земгора, к которой, среди других, принадлежали и некоторые профессора, конечно, сочувствовала событиям, происходившим на Балканах во второй половине 1944 г. и не думала об эвакуации в Германию.

Наконец, в Сербии появилась еще одна группа эмигрантов, состоявшая из политически «нейтральных». В годы эмиграции эти люди не вели идеологической борьбы с большевизмом; в новых условиях жизни они занимались исключительно накоплением материальных благ. Отчасти они уже сговорились с местным населением или, с другой стороны, чувствовали себя связанными с ним. В эту группу входили: торговцы, промышленники, толкатели всех типов и другие бизнесмены. О борьбе с большевиками они не думали. Даже опасность вторжения на Балканы большевистских войск, грозивших им уничтожением, не позволяла им расстаться с приобретенным имуществом. Поэтому к вопросу об эвакуации они отнеслись весьма скептически.

Даже среди русских священнослужителей, игравших большую роль в жизни эмигрантов в Сербии, при наступлении советских войск возникли разногласия. Какая-то часть, не слишком многочисленная, верила в «эволюцию большевизма» и поэтому предпочитала оставаться в стране.

После оккупации Белграда большевиками

Когда большевистские войска подошли к Белграду, в город первыми проникли сопровождавшие их местные банды. Они начали с актов насилия против русских эмигрантов, которых хватали на улицах или вытаскивали из квартир, расстреливали на месте или уводили в подвалы Русского дома. Эта жестокая расплата проводилась под лозунгом «Отмщения за симпатии русских эмигрантов к Германии и за использование русского охранного корпуса службой безопасности на сербской территории».

Для приветствия советских войск, вступивших в Белград, из тамошнего населения была послана специальная группа под руководством бывшего югославского министра Кумануди⁵ (он принадлежал к демократической партии группы Люба Давидовича и был министром финансов во времена правления короля Александра). В состав этого отряда от русской эмиграции должны были входить профессора Игнатовский⁶ (начальник университетской клиники внутренних болезней), Щегловитов⁷ (профессор Белградского университета) и духовник Тарасьев⁸.

Дальнейшая судьба профессора Щегловитова неизвестна, о профессоре Игнатовском распространился слух, что он был сначала задержан большевиками как глава Русского дома, а через несколько дней — расстрелян. Был расстрелян и духовник Тарасьев со всей своей многочисленной семьей.

После захвата Белграда большевики сделали Русский дом (на улице Королевы Наталии, 33, построенный в свое время при финансовой поддержке короля Александра и служивший культурным центром всей русской эмиграции в Югославии) ареной их мстительных актов насилия над русскими эмигрантами. Здесь обосновался НКВД. Из всех районов города туда привозили русских эмигрантов. Белоэмигрантов снова стали называть старым обличительным именем «белогвардейцы». Арестованных заперли в подвалах, а также в гимнастическом зале, где находился и алтарь домашней церкви. Там их и расстреляли.

По рассказам беженцев из Белграда, в течение одного дня, сразу после вторжения большевиков в город, в подвалах Русского дома было расстреляно 300 эмигрантов разного возраста и пола.

Хотя в первые дни кровавые счеты с русскими эмигрантами сводили местные банды, впоследствии этим занялись прибывшие из СССР агенты НКВД.

По данным русских эмигрантов, бежавших из Белграда, общее число жертв, расстрелянных или повешенных большевиками, должно было составить от 4000 до 7000 человек. Но мы предполагаем, что эти сведения преувеличены, так как в самом Белграде, после эвакуации значительной части эмигрантов, вряд ли могло остаться так много русских.

Согласно последним сообщениям из Белграда, большевики начинают переправлять большую часть русских эмигрантов, оставшихся в Сербии, в Советскую Россию, загружая ими баржи и дунайские обозы.

Как уже упоминалось, русские эмигранты были не только расстреляны, но и повешены. Эти казни совершались в основном перед Русским домом или перед зданиями, в которых эмигранты работали. Так, например, была повешена перед Белградским оперным театром оперная певица Лиза Попова⁹. Бывшая оперная певица Императорской оперы в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, она была одной из основательниц и организаторов и в то же время старшей актрисой Белградского государственного театра. Также были повешены и оперный певец Холодков¹⁰, и известный пейзажист Колесников¹¹.

Перед Русским Домом на улице Королевы Натальи, 33 были повешены генерал Вдовенко¹² с семьей, женой и дочерью, и вдова известного русского летчика и шеф-пилота гражданской авиации Югославии В. И. Стрижевского¹³. Вся семья генерала Вдовенко была подвешена головами вниз в форме буквы V, что, по-видимому, должно было соответствовать девизу «Виктория».

Кроме того, среди многих расстрелянных и повешенных русских эмигрантов назовем также бывшего посла Российской дипломатической миссии в Белграде Н. С. Урсати¹⁴.

Особого внимания заслужила еще одна жестокая расплата большевиков с представителем вышеупомянутой группы «политически нейтральных» Дроботовым¹⁵ (сыном купца из Ростова). В молодости он бежал из России в 1920 г. В Белграде занимался торговлей колониальными товарами. Держась в стороне от любой политической и общественной жизни, он вложил много сил и энергии в свое дело, преуспел в нем, сколотил значительный капитал и стал владельцем виллы в Топчидере. Во время немецкой оккупации Белграда Дроботов был членом Экономического комитета при Управлении по делам русской эмиграции и живо участвовал в продовольственном снабжении русских эмигрантов. Его схватили большевики, раздели догола, посадили в клетку и в таком виде возили по улицам Белграда. После невероятных издевательств Дроботов был повешен перед Русским домом.

¹ См.: Новое слово. 1944. 30 янв., 30 апр., 2 июля; Русское дело. 1944. 26 марта, 6 мая, 10 июня, 21 окт.

² *Арсеньев А. Б., Тимофеев А. Ю.* Русские в Сербии. Белград, 2009; *Живанович М.*: 1) Влияние политики на судьбу и память о русских участниках движения Сопротивления в Югославии // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2020. № 10. С. 40–51; 2) Захоронения и памятники русским эмигрантам — членам Сопротивления в Югославии // Военно-исторический журнал. 2020. № 10. С. 75–80; 3) Молот в руках красных: Судьба Русского Дома после 1944 г. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2019. № 9. С. 355–371; 4) *Sudbina nasleda Ruske emigracije u Jugoslaviji 1944–1945* // *Istorija 20 Veka*. 2021. Т. 39, по. 1. С. 77–98; *Жованович М.* Русская эмиграция на Балканах (1920–1940). М., 2005; *Косик В. И.*: 1) Русская Церковь в Югославии: (20–40-е гг. XX в.).

М., 2000; 2) Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32; 3) Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. М., 2008; 4) Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде, 1920–1950-е годы. М., 2007; *Ганин С. Ю.* Русский Белград. М., 2009; *Тимофеев А. Ю.*: 1) Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010; 2) Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2019. № 9. С. 294–311; 3) Руси и други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011; 4) Савез Совјетских патриота — антифашистичка организација Руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови историје. 2012. Т. 20, № 3. С. 257–277; 5) Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време другог светског рата у огледалу анти ИБ-овске пропаганде / приредио А. Тимофеев. Београд, 2018; и др.

³ Земгор — Объединение земель и городов Российской империи, одна из наиболее влиятельных общественных организаций русской эмиграции, имевших свои представительства в разных странах.

⁴ Махин Федор Евдокимович (1882–1945) — русский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, глава представительства Земгора в Югославии, накануне войны занимал оборонческие просоветские позиции, верил в демократизацию сталинизма. В 1939 г. вступил в ряды компартии Югославии. По всей видимости, был завербованным агентом НКВД. В апреле 1941 г., после нападения немцев на Югославию, он примкнул к партизанам и ушел с сербскими четниками в Сараево, а затем в горные районы Черногории. Ф. Е. Махин выступил одним из организаторов партизанского движения в Югославии, командовал отрядом в четнической армии генерала Дражи Михайловича, затем состоял советником при Верховном штабе Иосипа Броз Тито, став одним из его приближенных. Работал в отделе радио и пропаганды штаба Народно-освободительной армии Югославии. В 1944 г. после поражения немцев он посетил СССР. В феврале 1944 г. его произвели в генерал-лейтенанты югославской армии. Имел награды и Югославии, и СССР. По окончании Второй мировой войны был назначен начальником военных архивов Югославии. Скончался Ф. Е. Махин в Белграде 2 июня 1945 г., вскоре после возвращения из командировки в СССР. (См.: *Ганин А. В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.) А. Б. Арсеньев настаивает, что Ф. Е. Махин стоял у истоков подпольной деятельности Союза советских патриотов в Югославии (Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944) / авт.-сост. А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. Кн. 1. Белград, 2018. С. 23). А. Ю. Тимофеев и Н. А. Ёхина не так категоричны, но подчеркивают связи организаторов союза с Земгором и лично Ф. Е. Махиным в 1930-е гг. См.: *Ёхина Н. А.* «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война...»: к истории Союза советских патриотов в Белграде // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конференция. Москва, 14–15 мая 2015 г. М., 2015. С. 215; *Тимофеев А. Ю.* Спротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Там же. С. 243–245, 260. Так или иначе, похоронен Ф. Е. Махин на Новом кладбище Белграда как национальный герой Югославии, а одна из улиц города до конца XX в. носила его имя.

⁵ Кумануди Константин Коста (1874–1962) — сербский и югославский политик, университетский профессор, министр финансов в 1921–1922 гг., министр внутренних дел в 1922 г., мэр Белграда в 1926–1929 гг., председатель Народной скупщины Королевства Югославия в 1932–1935 гг. К началу Второй мировой войны находился в отставке. К. Кумануди был в составе тех, кто подписал Обращение к сербскому народу, опубликованное 13 августа 1941 г. и призывавшее сербов не выступать против немецкой оккупации, сотрудничать с правительством народного спасения Милана Недича и бороться против коммунистических преступников. В конце 1942 г. он примкнул к политикам, издавшим меморандум с призывом спокойно дожидаться окончания войны. А после побед союзников и постоянных поражений стран Оси он был среди тех, кто формировал Совет приветствия русской армии. В марте 1946 г. он был задержан новыми коммунистическими властями, осужден в рамках Белградского процесса за подписанное обращение и сотрудничество с оккупационным режимом, приговорен к тюремному заключению, принуди-

тельными работам и лишен гражданских прав. Провел в тюрьме несколько месяцев, после чего был освобожден по возрасту и состоянию здоровья. Умер 27 ноября 1962 г. в Белграде. См.: *Петровић Др.* Константин Коста Кумануди // Српски биографски речник. Т. 5: Кв–Мао / гл. уредник Ч. Попов. Нови Сад, 2011. С. 441–442.

⁶ Игнатовский Александр Иосифович (1875–1955) — дворянин, терапевт, доктор медицины, профессор (1921–1941), заведующий кафедрой терапии, декан (1929/30) медицинского факультета Белградского университета. Основатель и директор первой клиники внутренних болезней в Белграде. С декабря 1941 г. на пенсии. В годы оккупации Сербии занимался частной практикой. По данным анкеты, возглавлял клинику и был профессором университета до 1 января 1942 г., в клинику вернулся 20 октября 1944 г., проработал там до 1 января 1945 г., а в марте 1945 г. вышел на пенсию. С 1947 г. снова преподавал на медицинском факультете в Скопье, служил в госпиталях. Похоронен на Новом кладбище в Белграде. См.: Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: биограф. словарь и анкеты (1918–1946). Белград; М., 2012. С. 136–137.

⁷ Щегловитов Вениамин Николаевич (1875–1955) — инженер путей сообщения, из дворянской семьи, профессор Института инженеров путей сообщения имп. Александра I, в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) с 1920 г., профессор технического факультета Белградского университета, член Союза русских инженеров в КСХС, его представитель в Государственной комиссии КСХС по вопросам русских беженцев (с 1925 г.). Гражданин Югославии. Похоронен на Новом кладбище в Белграде. См.: *Сенин А. С.* Министерство путей сообщения в 1917 году. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 21, 39; Щегловитов Вениамин Николаевич // Некрополь российского научного зарубежья: интернет-портал. URL: https://rusgrave.tmweb.ru/person?prs_id=220 (дата обращения: 08.07.2022).

⁸ Тарасьев Виталий Васильевич (1901–1974) — протоиерей, в эмиграции в Сербии с 1920 г., в 1930 г. окончил богословский факультет Белградского университета, состоял в юрисдикции Зарубежного синода, священник с 1932 г., в 1945 г. перешел в юрисдикцию РПЦ, настоятель Троицкой церкви и Подворья РПЦ в Белграде (1950–1974). Позже настоятелями этого храма были последовательно его сын и внук. См.: *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000. С. 256–257; *Тарасьев В., прот.* Кончина протоиерея Виталия Тарасьева // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 8. С. 42–44.

⁹ Попова (Каракаш) Елизавета (1889–1967) — артистка оперы (сопрано), камерная певица, выпускница Петербургской консерватории, в 1912–1917 гг. выступала на сцене петербургского Мариинского театра, а также в Москве в Большом театре, в Опере С. Зимина, театре «Эрмитаж». Гастролировала в Киеве, Одессе, Харькове, Финляндии. В октябре 1921 г. уехала с мужем в Италию, выступала с большим успехом во Флоренции, Риме, Барселоне, Париже, Загребе. С 1921 по 1940-е гг. была солисткой Белградской оперы, исполняла в основном русский репертуар. На рубеже 1940–1950-х гг. вернулась в СССР. Погибла в автомобильной катастрофе. См.: *Косик В. И.* Русские имена на оперной сцене Югославии // Славянский альманах: 2007. М., 2008. С. 300. Архив певицы хранится в рукописном отделе Центральной научной библиотеки Союза театралных деятелей РФ в Москве: РО ЦНБ СТД РФ. Ф. 19. 146 ед. хр.

¹⁰ Холодков Павел Федорович (1888–1967) — баритон, известный оперный исполнитель в Сербии, почти без перерывов с 1921 по 1951 г. выступавший на сцене Белградского оперного театра. Похоронен в Белграде. См.: *Косик В. И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? С. 209.

¹¹ Колесников Степан Федорович (1879–1955) — известный русский живописец конца XIX — первой половины XX в., выпускник Петербургской Академии художеств. В 1919 г. семья Колесниковых по Военно-Грузинской дороге через Турцию переехала сначала в Грецию, а затем в Сербию. С 1920 г. постоянно жил в Сербии, в Белграде, стал профессором Белградской академии искусств. В 1920-е гг. организовал несколько персональных выставок в странах Европы. Иногда выполнял работы на заказ — к примеру, им был расписан плафон зрительного зала Оперного театра в Белграде. Сохранилась переписка с И. Е. Репиным, с которым его связывали дружеские узы. Его творчество российского периода хранится во многих музеях страны. В феврале — марте 2021 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына проходила выставка из частного собрания Вадима Задорожного «Степан Колесников. Посол русской культуры в Сербии». В годы Второй мировой войны был арестован сын Колесникова, Фёдор, вскоре

после освобождения покончивший с собой. При отступлении немцев из Белграда дочь Колесникова, Люба, опасаясь репрессий новой коммунистической власти, бежала с ними. Последние 12 лет жизни художник тяжело болел (болезнь Паркинсона). Скончался в 1955 г., похоронен на Новом кладбище Белграда. См.: *Подстаницкая Т. А.* Степан Колесников. 1879–1955. М., 2003.

¹² Вдовенко Герасим Андреевич (1867–1945) — генерал, атаман Терского казачьего войска, сторонник казачьего сепаратизма, в годы Второй мировой войны сотрудничал с немцами. Существует несколько версий его судьбы в послевоенное время. По одним данным, был арестован Смерш и скончался в Темлаге. По другим — расстрелян партизанами Тито при освобождении Белграда (см.: *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М., 2002. С. 80). Э. В. Бурда указывает, что Вдовенко за участие в белогвардейской террористической деятельности был приговорен постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 августа 1945 г. к 10 годам лишения свободы по ст. 58 УК РСФСР. По его сведениям, атаман терских казаков скончался 22 января 1946 г. в 5-м лагпункте Темлага НКВД в Мордовии. По другим данным — в Бутырской тюрьме в конце октября 1945 г. Реабилитирован 13 апреля 2009 г. См.: *Бурда Э. В.* Казаки в Великой Отечественной войне. По обе стороны фронта. Ч. 2 // Казачество Кавказа: интернет-портал. URL: http://kazachestvokavkaza.com/publ/kazaki_v_velikoj_otchestvennoj_vojne_po_obe_storonu_fronta_2/1-1-0-38 (дата обращения: 04.08.2021). Но в открытых списках жертв политического террора его имя не значится.

¹³ Стрижевский (Стрижевский) Владимир Иванович (1894–1940) — военный летчик, из дворян, ас Первой мировой войны, как авиационный специалист был призван в РККА, но в ноябре 1918 г. перелетел к противнику и вступил в авиационные части Донской армии и Вооруженных сил Юга России. С ноября 1920 г. в КСХС, состоял на службе в авиации, принимал участие в спортивных состязаниях. С 1927 г. работал шеф-пилотом в Аеропут: отбирал и тренировал экипажи, учил летать на новых типах самолетов, открывал новые линии. 22 августа 1940 г. его самолет попал в грозу и разбился недалеко от Госпича. Похоронен 28 августа 1940 г. на Новом кладбище в Белграде со всеми почестями. Информацию о его семье выявить пока не удалось. См.: *Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: биогр. справочник / сост. М. С. Нешкин, В. М. Шабанов.* М., 2006. С. 273–275; *Косик В. И.* Русская эмиграция в Югославии // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2009. С. 46; *Оштрић Ш.* Владимир Иванович Стрижевски «стриж» // Руси без Русије Српски Руси. / изд. Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 225–232.

¹⁴ Урсати Николай Семенович (1890–1945) — дипломат, служащий Министерства иностранных дел, в эмиграции после Октябрьской революции жил в Югославии. Работал в Нансеновском комитете. Арестован 20 января 1945 г. Осужден 8 февраля 1945 г. военным трибуналом 3-го Украинского фронта по ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания. Реабилитирован Рязоблпрокуратурой по Закону РФ от 18.10.91 г. посмертно. См.: Книга УФСБ РФ по Рязанской области. Т. 2. Арх. дело № 15788 // Книга памяти жертв политических репрессий Рязанской области. URL: <https://memoryazan.ru/citizens/2065> (дата обращения: 26.07.2021).

¹⁵ Дроботов Евгений Федорович — сын купца из г. Богодухова Харьковской губернии, студент Императорского Петроградского университета, определенный на службу в Управление Северо-Западный железных дорог в 1915 г., офицер с 1917 г., подпоручик по адмиралтейству, в белых войсках Северного фронта с 23 июля 1919 г., эвакуирован в декабре 1919 — марте 1920 г. С мая 1920 г. в Белграде (см.: *Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004. С. 154; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 58022; Там же. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 4518 и Д. 5216). В годы оккупации Белграда был среди тех, кто вносил самые крупные суммы в Русский национальный фонд, расходовавшийся на благотворительность (см.: Русский бюллетень. 1941. 20 июля, № 2. С. 8). Информация, подтверждающая его членство в Экономическом комитете Управления по делам русской эмиграции в Сербии, не выявлена. К сожалению, его послевоенная судьба неизвестна.

Статья поступила в редакцию 23 августа 2021 г.
Рекомендована к печати 8 мая 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Турыгина Н. В. Слухи на службе вермахта: русская эмиграция в Сербии и большевики в 1944–1945 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 793–803.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.318>

Ключевые слова: российская эмиграция, Сербия, освобождение Белграда, Вторая мировая война, НКВД, политические репрессии.

Сведения об авторе: Турыгина Н. В. — канд. ист. наук, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); n.turygina@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Turygina N. V. 'Rumors at the Service of the Wehrmacht: Russian Emigration in Serbia and the Bolsheviks in 1944–1945', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 793–803.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.318> (In Russian)

Keywords: Russian emigration, Serbia, Liberation of Belgrade, World War II, NKVD, political repression.

The research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 19-78-00085 "Russian emigration between the 'old' and 'new' homeland in the conditions of World War II: problems of identity and patriotism".

Author: Turygina N. V. — PhD in History, Senior Lecturer, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); n.turygina@spbu.ru

St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

Arseniev A. B., Ordovsky-Tanaevsky M. L. *Gymnasium in faces. The first Russian-Serbian gymnasium in Belgrade (1920–1944)*, Book 1 (Belgrade, 2018). (In Russian)

Arseniev A. B., Timofeev A. Yu. *Russians in Serbia* (Belgrade, 2009). (In Russian and Serbian)

Ganin A. V. 'The fate of the General Staff of Colonel F. E. Makhin', *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 6, 2006. (In Russian)

Jovanovich M. *The Russian emigration in the Balkans (1920–1940)* (Moscow, 2005). (In Russian)

Kosik V. I. *The Russian Church in Yugoslavia (20–40s of the 20th century)* (Moscow, 2000). (In Russian)

Kosik V. I. *The Russian Church abroad: The 20th century in the biographies of the orthodox clergy from America to Japan* (Moscow, 2008). (In Russian)

Kosik V. I. 'The Russian emigration in Yugoslavia' in *In search of a better life. Russian emigration in the countries of Central and South-Eastern Europe (the second half of the 19th — the first half of the 20th century)* (Moscow, 2009). (In Russian)

Kosik V. I. 'The Russian names on the opera stage of Yugoslavia' in *Slavianskiy al'manakh: 2007* (Moscow, 2008). (In Russian)

Kosik V. I. 'Russian Yugoslavia: fragments of history, 1919–1944', *Slavyanovedenie*, no. 4, 1992. (In Russian)

Kosik V. I. *What do I care about you, the pavements of Belgrade? Essays on Russian emigration in Belgrade: 1920–1950s* (Moscow, 2007). (In Russian)

Oshtrich Sh. 'Vladimir Ivanovich Strizhevsky "strizh"', *Russians without Russia. Serbian Russians* (Belgrade, 1994). (In Serbian)

Podstanitskaya T. A. *Stepan Kolesnikov 1879–1955*. (Moscow, 2003). (In Russian)

Russian doctors in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in Yugoslavia: A Biographical dictionary and questionnaires (1918–1946), comp. M. Gorinov, M. Sorokina, N. Petrovich, M. Medakovich, R. Radzhenovich (Belgrade — Moscow, 2012). (In Russian and Serbian)

Rutychn N. *Biographical directory of the highest ranks of the Volunteer Army and the Armed Forces of the South*

- of Russia. *Materials for the history of the White Movement* (Moscow, 2002). (In Russian)
- Senin A. S. *The Ministry of Railways in 1917*, 2nd ed. (Moscow, 2009). (In Russian)
- Serbian biographical dictionary*, vol. 5: Kv–Mao, ed. Ch. Popov (Novi Sad, 2011). (In Serbian)
- Tarashev V., prot. 'The death of Archpriest Vitaly Tarashev', *Journal Moskovskoi Patriarkhii*, no. 8, 1974. (In Russian)
- Tanin S. Yu. *Russian Belgrade* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Timofeev A. Yu. 'Broken fates. 1948–1953. Repression against Russian emigration in Yugoslavia during the first post-war decade (by materials of Public safety management)', *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 9, 2019. (In Russian)
- Timofeev A. Yu. 'Resistance to the German occupation in Serbia and Russian emigration during the Second World War' in *Rossiiskaia emigratsiia v bor'be s fashizmom: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moskva, 14–15 maia 2015 g.* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Timofeev A. Yu. *The Red Army and Russian emigration to Yugoslavia during World War II in the mirror of anti-IS propaganda* (Belgrade, 2018). (In Serbian)
- Timofeev A. Yu. *The Russian factor. The Second World War in Yugoslavia. 1941–1945.* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Timofeev A. Yu. *The Russians and the Second World War in Yugoslavia. The influence of the USSR and Russian emigrants on the events in Yugoslavia 1941–1945* (Belgrade, 2011). (In Serbian)
- Timofeev A. Yu. 'The Union of Soviet Patriots — antifascist organization of Russian emigrants in Serbia 1941–1945', *Tokovi istorije*, vol. 20, no. 3. (In Serbian)
- Volkov S. V. *Officers of the fleet and the maritime department: The experience of a martyrologist* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Yekhina N. A. "'Whose side will you be on when the war breaks out...": on the history of the Union of Soviet Patriots in Belgrade' in *Rossiiskaia emigratsiia v bor'be s fashizmom: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moskva, 14–15 maia 2015 g.* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Zivanovich M. 'Hammer in the hands of the "Reds": The faith of the Russian House after 1944', *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 9, 2019. (In Russian)
- Zivanovich M. 'How politics influenced faith and memory of Russian members of the Resistance movement in Yugoslavia', *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 10, 2020. (In Russian)
- Zivanovich M. 'The burials and monuments to Russian emigrant Resistance members in Yugoslavia', *Voennno-istoricheskii zhurnal*, no. 10, 2020. (In Russian)
- Zivanovich M. 'The fate of the heritage of the Russian emigration in Yugoslavia in 1944–1945', *Istorija 20 Veka*, vol. 39, no. 1, 2021, pp. 77–98. (In Serbian)

Received: August 23, 2021

Accepted: May 8, 2022